

Политический фольклор как предмет антропологических исследований

Вероятно, далеко не все современные российские фольклористы согласны с тем, что само понятие «фольклор» представляет собой социальный конструкт, что за ним нельзя увидеть неизменных культурных сущностей и что манипулирование образами *народного* «творчества», «искусства» или «знания» позволяет в большей степени судить не об искомом «народе», но о самих манипуляторах — ученых, политиках, литераторах, религиозных деятелях и т.д. Однако многим исследователям — и фольклористам, и представителям иных гуманитарных дисциплин — такая точка зрения представляется не просто обоснованной, но и открывающей известные эвристические перспективы. Речь в данном случае идет не столько о вполне очевидных возможностях деконструкции «традиционной» фольклористики, сколько о процессуальном подходе к исследуемым этой дисциплиной материалам, позволяющем по-разному определять и анализировать «фольклорные» составляющие тех или иных культурных явлений.

**Александр Александрович
Панченко**
Институт русской литературы
(Пушкинский Дом) РАН,
Санкт-Петербург
aranchenko2008@gmail.com

Что бы ни говорили о фольклоре представители разных академических школ и направлений, очевидно, что за этим термином обычно стремятся увидеть тексты, представляющие собой достояние не элит, а угнетенных классов; явления, не соответствующие стандартам «высокой» (читай — нормативной) культуры; скорее «иррациональные», чем «рациональные» идеи и представления; ложь, а не истину в обыденном понимании. Так, «школьный фольклор» в этом смысле представляет собой «контркультуру» среднего учебного заведения, окрашенный в протестные тона субпродукт образовательного процесса. Писатель, утверждающий, что каждую из услышанных им волшебных сказок можно назвать «поэмой», озабочен, прежде всего, литературной легитимизацией «народной словесности»: фантастические истории, рассказываемые крепостными крестьянами, приобретают значимость лишь благодаря сопоставлению с конвенциональной для элиты литературной нормой. Иными словами, одна из латентных коннотаций термина «фольклор» подразумевает, что последний всегда в чем-то «ненормативен». Неудивительно поэтому, что Алан Дандес видел в фольклорных текстах проекцию «коллективного бессознательного», продукцию массового невроза, типизацию и инверсию подавленных стремлений, характерных для того или иного общества либо культуры.

Хотя зачастую с излишне прямолинейной «психоаналитической семиотикой» Дандеса можно не соглашаться, очевидно, что сама по себе проблема содержательной интерпретации «коллективизированной фантазии» была и остается одним из наиболее значимых аспектов фольклористики как научной дисциплины. Здесь вполне применим подход Вольфганга Изера, полагавшего, что главный вопрос антропологического подхода в литературоведении состоит в выявлении и изучении социальных потребностей, обуславливающих трансформацию коллективного и индивидуального воображения в художественный вымысел. «Первичная рецепция» изучаемых фольклористикой текстов всегда балансирует между категориями правды и вымысла — модальность и статус «фольклорной» коммуникации представляются достаточно лабильными по сравнению с особенностями коммуникации «литературной». Поэтому механика социальных фантазий четче проявляется именно в том, что мы называем фольклором.

В этой перспективе «политическим фольклором» можно называть формы и проекции коллективного воображения, тем или иным образом связанные с *политикой* в широком смысле — структурами власти и доминирования, присущими изучаемому обществу и до известной степени осознаваемыми его членами. Понятно, что границы *политического* в данном случае остаются

ся достаточно размытыми: различные социальные слои и группы в разное время могут обладать достаточно специфическими представлениями о том, что следует относить к соответствующей области общественной жизни. Проблема, однако, состоит не в определении и рамках понятия, но в том, можно ли в «фольклорной» рецепции политических структур и событий увидеть какую бы то ни было специфическую и хотя бы отчасти самодостаточную логику.

Историки, работающие в русле «политической антропологии», как правило, рассматривают массовую рецепцию политических текстов и событий как нечто факультативное по отношению к предмету своих разысканий. Анализ «сценариев власти», вообще говоря, вовсе не подразумевает исследование эффекта, оказываемого политическими репрезентациями правящей элиты на «безмолвствующее» и подчиненное большинство. Это, однако, не означает, что между социальными субъектами и объектами властных отношений вообще не существует «неформального» диалога касательно специфики и содержания этих последних. Очевидно, что политическая культура того или иного общества не может быть исследована исключительно на материалах нормативных институтов и процедур, а также их «порчи» и «сбоев». В действительности «политическая коммуникация», как и другие сферы общественной жизни, подразумевает формирование если не общей «символической вселенной», то, по крайней мере, специфических «конвенциональных полей», в рамках которых происходят процессы смыслообразования, имеющие отношение не только к «элитам», но и к «угнетенным классам».

* * *

Настоящая публикация основана на материалах семинара «Русский политический фольклор: от Петра I до Горбачева», организованного Центром теоретико-литературных и междисциплинарных исследований Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН на рубеже сентября и октября 2009 г. Семинар этот, в свою очередь, является частью одноименного исследовательского проекта¹, поддержанного грантом Программы фундаментальных исследований ОИФН РАН «Генезис и взаимодействие социальных, культурных и языковых общностей». Цель проекта — исследование содержательной и функциональной специфики различных форм и жанров русского фольклора XVIII–XX вв., отражающих массовые представле-

¹ См. описание проекта на сайте Центра <<http://theory.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=8825>>.

ния о государственной власти, общественном устройстве, международных отношениях и прочих аспектах политической жизни Российской империи и СССР. Хотя проблема «политического фольклора» применительно к отечественной культуре в разное время обсуждалась исследователями на материалах различных жанров устной словесности, сама постановка вопроса о социально-политическом смысле фольклорных текстов, как правило, отличалась предвзятостью и идеологической ангажированностью. Подобная ситуация, разумеется, характерна, прежде всего, для советской эпохи. Среди немногочисленных исключений следует назвать, в первую очередь, работы К.В. Чистова, посвященные русским социально-утопическим легендам XVIII–XIX вв. Вместе с тем, мы до сих пор не располагаем целостным аналитическим обзором и систематической публикацией памятников русского политического фольклора XVIII — начала XX в. Хотя отдельные сюжеты (например, песни «Царя требуют в сенат» и «Гибель Александра II»), а также тематические циклы (в частности, сказки, легенды и песни о Петре I) служили предметом специального научного анализа, однако соответствующие исследовательские работы не дают возможности судить об исторической динамике, социальном контексте и функциональной специфике русского политического фольклора имперского периода в целом. Еще хуже обстоит дело с различными формами политического фольклора советской эпохи. Если история преимущественно фальсифицированного «советского фольклора» достаточно подробно проанализирована в исследованиях и публикациях последних десятилетий, то бытовавшие в СССР фольклорные тексты неподцензурного и оппозиционного характера пока что изучены очень плохо. Несколько больше повезло в этом отношении политическому анекдоту: работы, посвященные «недозволенной» смеховой культуре советского времени, выходили на Западе, начиная с 1970-х гг. Однако эти исследования также разрознены и далеко не всегда отвечают академическим стандартам современной фольклористики. Вместе с тем, фактически не исследованным остается бытование социально-политических легенд, а также слухов и толков в массовой советской культуре; чрезвычайно плохо изучена крестьянская политическая частушка 1920-х гг.; практически не привлекали внимание исследователей различные формы прозаического и стихотворного фольклора эпохи «холодной войны».

Стоит, кроме того, отметить, что обсуждения самой проблемы «политического фольклора» применительно к российскому контексту, предпринимавшиеся как отечественными, так и зарубежными исследователями, характеризуются, как мне кажется, известной непоследовательностью. Дело здесь, по-ви-

димому, не столько в том, что сама проблема определения, какие именно темы и смыслы можно считать политическими, а какие нет, зачастую оказывается плохо разрешимой, сколько в тех «экстранаучных» препятствиях, с которыми может столкнуться и сталкивается исследователь, скажем так, «массовой политической культуры». Само собой, что жизнь в самодержавном, тоталитарном и авторитарном государстве не располагает к такого рода исследованиям. Что касается, скажем, советских фольклористов, этнографов и историков, которые довольно много писали об устных текстах XVII–XIX вв., очевидным образом имевших именно политическое значение (скажем, о так называемых «исторических песнях», «утопических легендах», «слухах и толках»), то им неизбежно приходилось подгонять свои находки и соображения под господствовавшие идеологические и историографические модели.

Впрочем, дело тут не только во внешнем принуждении, но и в известной телеологии, которую большинство людей в той или иной степени вменяет политической жизни и государственному устройству. Когда исследователь полагает, что он знает, для чего существует политика и какой она должна быть, он нередко начинает проецировать свои политические воззрения и приоритеты на исследуемые материалы. Так, например, обстоит дело с западными учеными, занимавшимися политическими анекдотами в странах социалистического лагеря: обычно они видели в них форму и выражение социального протеста, практически полностью игнорируя иные возможные смыслы и функции. В действительности, однако, «ненормативность» вовсе не обязательно подразумевает «оппозиционность»: по всей видимости, тексты, которые мы можем причислить к русскому политическому фольклору, отражают достаточно разнообразные социальные стратегии, тяготеющие и к сопротивлению, и к приспособлению.

* * *

Представление о политическом фольклоре как о виде социального диалога и способе смыслообразования неизбежно подразумевает исследовательский интерес к формам, которые фольклористы вслед за Гансом Науманном называют «опустившимися культурными ценностями», а также к способам политического использования «аутентичных» либо идеологически инспирированных фольклорных текстов. Выше я уже сказал, что один из наиболее показательных примеров политической эксплуатации «народно-поэтического творчества» в XX в. — сталинский проект «советского фольклора» — в настоящее время представляется сравнительно хорошо изучен-

ным. Вместе с тем, история использования «фольклорной топики» в политико-идеологических дискурсах советского времени заслуживает более детального анализа, о чем, например, свидетельствует публикуемая ниже статья Ирины Козловой, посвященная генезису и истории выражения «сталинские соколы». С другой стороны, «фольклоризация» идеологических и пропагандистских текстов служила действенным политическим инструментом не только при Сталине, но и в другие периоды отечественной истории Нового и Новейшего времени. На это указывает статья Михаила Лурье, посвященная судьбам оппозиционной «политической песни» XIX в. в тюремном фольклоре, а также работа Михаила Алексеевского о современном нам агитационном проекте «Анекдотов от Зюганова». Не менее любопытны в этом смысле публикуемые Анной Минаевой и мной памятники анонимной политической сатиры эпохи Перестройки, а также середины 1960-х гг. С одной стороны, они тоже представляют собой своего рода «фольклоризацию», поскольку очевидным образом ориентированы на традицию стихотворных сказок Пушкина и Ершова: «псевдонародный» характер этих текстов должен был, по-видимому, смягчить их сатирический пафос и подчеркнуть массовую адресацию. С другой стороны, о «фольклорном бытовании» таких рукописных стихотворений свидетельствует не только их широкое распространение в городской культуре конца XX в., но и связь с традицией устной политической сатиры, восходящей, по крайней мере, к началу столетия. Впрочем, в культуре советского периода обнаруживаются и более «архаические» формы политического фольклора, в частности — отголоски так называемой «легенды о царях-избавителях». Как показывает статья Александры Архиповой, в СССР 1920–1930-х гг. мотивы «избавительской легенды» могли функционировать не только в «монархической», но и в «большевистской» версии, где фигурировали Ленин и Троцкий. Вполне архаичными чертами обладает и формирующийся в нынешней России «националистический религиозный нарратив», исследуемый в работе Жанны Корминой на примере политической трансформации культа св. Матроны Московской. Если по современной легенде Матрона встречается со Сталиным и предсказывает ему победу во Второй мировой войне, то в Петербурге первой четверти XIX в. ходили рассказы о свидании Александра I с лидером религиозного движения скопцов Кондратием Селивановым: последний якобы предостерегал императора от участия в Третьей коалиции и предрекал победу в войне 1812 г.

Политика, как известно, грязное дело; политика в России — особенно грязна. Однако сама по себе констатация этого факта, а также того отвращения, которое вызывает у приличного

человека бóльшая часть политической деятельности режимов, правивших и правящих в нашей стране, мало способствует пониманию социальных и культурных процессов, позволяющих этому политическому устройству существовать и воспроизводиться. Мне не кажется, что патримониалистская модель социальной истории России, сформулированная некогда Ричардом Пайпсом и пользующаяся заслуженной популярностью среди многих современных историков и политологов, целиком и полностью исчерпывает разнообразие русской политической культуры, особенно — в ее не институциональных и неформальных, то есть «фольклорных» формах. Нельзя не признать, вместе с тем, что многие из исследуемых в настоящей подборке материалов, без сомнения, вполне соответствуют концепции Пайпса. Вообще говоря, думаю, что для понимания массовой политической культуры и массового политического сознания в любой стране и в любое время гораздо удобнее нарратологический анализ и антропологическое изучение социальных практик (чем, собственно, и занимаются фольклористы), нежели, скажем, количественная социология или формальное исследование социальных институтов. Так или иначе, хочу надеяться, что и эта публикация, и будущие работы, которые мы планируем подготовить в рамках проекта «Русский политический фольклор», станут интересны не только специалистам по фольклористике и антропологии, но и более широкому кругу исследователей, занимающихся вопросами истории, социально-политического устройства и культуры России.

Александр Панченко